

УДК 94(47).083

А. В. Федькин

Влияние казенной винной монополии конца XIX века на повседневную жизнь Санкт-петербургских рабочих

В статье на основе анализа архивных документов, материалов периодических изданий и статистических сведений исследуется вопрос о влиянии государственной винной монополии конца XIX века на повседневную жизнь рабочих Санкт-Петербурга; дается характеристика социокультурного облика города, а также досуговых форм городского трудящегося населения на рубеже XIX и XX веков; оценивается эффективность реформы с точки зрения достижения ее социальных задач. Делается вывод о противоречивости правительственных преобразований в аспекте их влияния на жизнь столичного населения.

Ключевые слова: винная монополия, повседневная жизнь, рабочие, народный театр, трактир, чайная.

Введение царским правительством в 90-е годы XIX века государственной винной монополии наряду с сугубо фискальными целями имело задачи социальные, связанные с улучшением народного благосостояния и нравственности [1; 4, с. 14]. «Во время самых шумных народных празднеств в Берлине, Вене, Париже и даже Лондоне нигде не бывает таких сцен, позорных для человеческого достоинства, какие происходят у нас в самое ординарное воскресенье вблизи красных вывесок, — так современники оценивали окружавшую их действительность. — Теперь, слава Богу, мы и в этом отношении начинаем понемногу приближаться к культурным странам, и у нас пьяный человек, валяющийся на улице, уткнувшись носом в лужу, становится явлением достаточно редким. Причина этого отрадного факта... введение казенной винной монополии» [7, с. 2].

Введение винной монополии в конце XIX столетия изучалось в разные периоды развития отечественной историографии. Но реформа чаще всего рассматривалась через призму финансово-экономической деятельности царского правительства. В этой связи работы ученых-историков в большинстве своем были посвящены анализу организации торговли алкогольной продукцией с целью увеличения доходов государственной казны [5; 14; 19]. В современной историографии появились работы, посвященные изучению социальных задач реформы [4], а также комплексные исследования проблемы [3]. Однако до сих пор в отечественной исторической науке отсутствуют исследования, направленные на изучение влияния винной монополии на повседневную жизнь отдельных социальных групп, в частности на жизнь петербургского пролетариата как значительной части столичного населения. Такие исследования представляется возможным выполнить с использованием методологии относительно нового направления исторической науки — истории повседневности [15].

В Санкт-Петербурге реформа вступила в силу с 1 января 1898 г. В первые же дни и недели нового года на страницах столичных газет стали появляться заметки о благотворном влиянии нововведений на жизнь городского населения, и прежде всего на жителей рабочих окраин: «Два дня нового года и введения казенной монополии продажи питей показали благодетельную сторону отрезвления русского народа путем сокращения питейных заведений и продажи казной крепких напитков. Как на центральных улицах столицы, так и на ее окраинах было обычное скопление гуляющих, как в праздничные дни, но не замечалось прежнего безобразно пьяного люда, горланившего безнравственные песни под скрип неблагозвучной гармоники» [6, с. 2].

© Федькин А. В., 2016

Резкое сокращение трактиров, имевших репутацию «очагов зла», стало одним из важнейших последствий реформы: «Отсутствие соблазнительных красных вывесок, имевших притягательное значение для простонародья, на самых видных углах столичных улиц и в местностях наибольшего движения рабочей публики сделало свое отрезвляющее дело. В некоторых местах эти вывески были просто замазаны черной краской, как будто народное пьянство покрыто глубоким трауром, а на месте слова “трактир” воспроизведено светлой краской — “чайная”... Перед некоторыми лавочками образовывались “хвосты” вследствие наплыва публики, но, тем не менее, покупатели шли тихо-мирно за “соткой” или “двухсоткой” будто за билетом в оперу» [6, с. 2].

При монополии основным питейным заведением становилась «казенная винная лавка», где алкоголь (спирт 95%, 92% и 57%, водка обыкновенная и повышенной очистки) согласно «Правилам о торговле в казенных винных лавках и о соблюдении в них благочиния» должен был продаваться только на вынос в опечатанной казенной печатью посуде. Запрещалась дача в долг и под заклад, продажа пьяным и малолетним. Также вводились более жесткие ограничения и на время торговли. В казенных лавках должны были соблюдаться чистота и опрятность, покупатели обязаны были вести себя благопристойно, не раскупоривать посуду с вином, не распивать его, не курить и оставаться в лавках не более того времени, которое требовалось для покупки питей. Смысл вышеприведенных мер состоял в развитии домашнего и более равномерного потребления крепких напитков, а также в связи с этим улучшении народного благосостояния [4, с. 14].

Городская хроника отмечала: «Введение казенной продажи вина за Невской заставой... дало уже немало благих результатов для населения. Из полсотни существовавших питейных заведений осталось в настоящее время на весь этот громадный район всего 2 трактира, 5 винных лавок и несколько пивных. Вместе с закрытием кабаков прекратился и этот бесшабашный разгул, сопровождавшийся обыкновенно кровавыми побоищами между подвыпившими ватагами рабочих, кочевавших в дни получек из одного питейного заведения в другое» [10, с. 2].

Отмечены и другие факты, свидетельствующие о снижении социальной напряженности в столице, даже несмотря на неполную ликвидацию питейных заведений: «Многие из пивных лавок, оставшихся с распивочной торговлей, несомненно упорядочились. Теперь в пивную лавку может зайти и честная женщина, не рискуя очутиться в кругу своих “падших” сестриц, вход которым в пивные (но не в трактиры и чайные) абсолютно воспрещен. Пьяных тоже в пивные почти не пускают» [12, с. 2].

Отрезвляющее воздействие монополии сказалось и на эффективности труда на фабриках и заводах: «Штрафы за прогулы уменьшились до половины. По фабрично-заводским больничным отчетам, число рабочих, заболевших алкоголизмом, дошло до минимума» [10, с. 2]. Кроме того, по официальным данным, «число пьяных, подобранных на улицах Петербурга, уменьшилось почти на три четверти» [7, с. 2], а врачи Обуховской больницы отмечали, что в первый же месяц после введения казенной винной монополии в Петербурге наметилась тенденция к снижению количества алкоголиков, поступивших в больницу. Вместе с тем сократилось и общее количество пациентов, получивших телесные повреждения различной степени тяжести в ходе «пьяных драк» [8, с. 2].

Еще одним положительным последствием нововведений стало постепенное повышение уровня культуры потребления спиртных напитков. По свидетельствам очевидца, «количество потребляемой водки осталось то же, как прежде. Но благодаря тому что уничтожена распивочная продажа, пьянство со всеми дебошами значительно сократилось». Пьяные люди «стали попадаться все как-то в одиночку, врасыпную; у них нет теперь объединяющего их центра — питейного дома... Благодаря этому многие улицы,

а в особенности переулки стали гораздо приличнее и благопристойнее...». До реформы в центральной и других частях города питейные заведения встречались в большом количестве. «Они служили притоном самых отчаянных пролетариев и пьяниц. И вот когда бы вы ни проходили, утром ли, днем ли, вечером, в праздник и в будни, эти кабаки почти всегда были полны народа. Народ этот шумел, галдел и ругался самыми неприличными словами. Благодаря этому по переулку не всегда было безопасно проходить. Вы всегда рисковали натолкнуться здесь на пьяную и грубую толпу, которая могла вас оскорбить не только словами, но даже и действием. Теперь, с введением винной монополии, картина совершенно переменялась... Кабаки закрыты, и пьяная и бесчинствовавшая прежде здесь публика совершенно отсутствует...» [11, с. 2].

Неоспорима связь между повышением уровня культуры питания и резким сокращением количества трактиров: «Очень многие у нас пьют просто для компании, потому только, что есть место, где они могут, глядя на других, пошуметь, погалдеть, а иногда и учинить маленький скандалчик. Уж такова натура русского человека: ему любо покуражиться на народе. Теперь эти сборные пункты... уничтожены, и пьяные безобразия сразу сократились. Пусть водку пьют в таком же количестве, как и раньше. Но ее теперь пьют более разумно, без прежнего дикого разгула» [11, с. 2].

Следует отметить, что вышеприведенное субъективное мнение очевидца о том, что «водку пьют в таком же количестве», расходится с официальной статистикой. Архивные материалы свидетельствуют о постепенном снижении уровня потребления алкоголя в столице в период с 1898 по 1910 г. [17, л. 1]. Частично они подтверждают положительное значение питейной реформы и демонстрируют достижение одной из ее социальных целей, направленных на всеобщее отрезвление населения. Однако для полного выявления причин снижения потребления спирта в указанный период необходим анализ остальных факторов, связанных в том числе и с материальным благосостоянием и платежеспособностью населения, в том числе в условиях первой русской революции.

В сложившейся ситуации общественностью отчетливо осознавалась важность внедрения новых досуговых форм для рабочего населения как альтернативы пьянству: «Вопрос о народных развлечениях во все времена был одним из самых жгучих, самых насущных вопросов... Теперь с особенной силою он выступает на очередь и требует скорейшего разрешения. С введением винной монополии закрыто большинство кабаков и трактиров, где петербургский рабочий проводил свой досуг в пьянстве и безобразиях. Несомненно, он будет искать новых развлечений. Тут-то и следует прийти к нему на помощь и наполнить его досуг развлечениями нормальными и вполне здоровыми» [9, с. 3].

Одним из способов организации досуга для населения стали воскресные чтения, устраиваемые различными попечительствами и благотворительными организациями. По данным прессы, эти мероприятия были интересны значительной части рабочего населения [10, с. 2]. Однако наиболее востребованным было устройство народных театров, а также массовых гуляний в выходные и праздничные дни: «С введением казенной продажи питей в Петербурге жгучий и наболевший вопрос об устройстве народных театров разрешился сам собой. Образовавшееся городское попечительство о народной трезвости с целью отвлечь простонародье и мелкого петербургского обывателя от пагубных влияний пьянства принялось открывать сады, а при последних народные театры» [13, с. 5]. Наиболее популярными местами проведения таких гуляний в Петербурге были Екатерингофский сад и сад пивоваренного завода «Новая Бавария» в Полюстрово [13, с. 5].

Следует отметить насыщенность культурных программ в дни таких мероприятий. Например, в Михайловском манеже в новогодние дни предлагалось следующее расписание: «от часа до двух — оркестр музыки; с двух до трех часов — танцовщица Сорокина,

трио балалаечников, фокусник Фролов, клоуны Чудаковы, эхофонограф, хор песенников; с трех до четырех часов — народная комедия Осетрова “Где лад, там и клад”» [6, с. 2]. Репертуар постоянно обновлялся: «Кроме упомянутой пьесы даются “Русский человек добро помнит” Полевого, “Доброе дело доброго помещика”, “Дядюшкин фрак и тетушкин капот” Яковлевского, “Добрый барин” Островского, “Дядюшка на трех ногах” Каратыгина» [6, с. 2]. «Гуляния эти привлекают массу народа и являются живой иллюстрацией влияния казенной монополии в пользу трезвости. Беспереывный ряд увеселений... вызывает большой интерес невзыскательной публики, и трезвость вполне торжествует» [6, с. 2].

Вышеприведенные свидетельства очевидцев, опубликованные в столичной прессе, относятся преимущественно к первым неделям и месяцам действия реформы в Петербурге. Однако ряд исследователей отмечают, что в долгосрочной перспективе винная монополия, наоборот, привела к распространению публичного пьянства на улице. Например, историк Е. В. Пашков приводит информацию о случаях массового распития алкоголя непосредственно возле лавок, где торговали «казенкой», так как алкоголь продавался только на вынос. Уже через полтора года после введения монополии в Санкт-Петербургской губернии местные фабриканты заметили, что в первое время при усиленном надзоре полиции случаи беспорядков с участием лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, резко сократились, но в дальнейшем возобновились вновь в том же объеме, особенно в праздничные дни [4, с. 18—19].

Санкт-петербургский градоначальник Н. В. Клейгельс связывал распространение уличного пьянства с неустроенностью быта «отходников». Объяснение этого явления, по мнению градоначальника, кроется в несогласовании реформы с весьма сложными условиями столичной жизни, когда не одна сотня тысяч пришлого рабочего населения, ютясь в угловых квартирах или вовсе не имея пристанища, в силу неизбежности выпивает купленное в казенной лавке вино тут же на улице [2, с. 17].

Кроме того, вскоре водку стали распивать в многочисленных чайных, открывавшихся вместо трактиров. Их число резко возросло именно после принятия реформы и, по данным попечительств о народной трезвости, достигло своего максимума в 1903—1905 гг. [18, л. 1]. «Содержатели чайных едва ли в состоянии бороться с этим злом, потому что очень трудно уследить, чтобы носитель не выпил, например, 1/200 ведра, которая может быть спрятана в жилетный карман и выпита одним глотком. Пива в чайных, конечно, не пьют, так как нелегко выпить целую бутылку незаметным образом. Кстати сказать, в тех частях столицы, где распивочные пивные редки или где они преимущественно заводские, потребление водки, с удобством распиваемой в многочисленных чайных, несомненно, возросло в ущерб потреблению пива. Что делать: русский человек не любит пить дома, один, а любит посидеть и выпить в компании, на народе; идти в пивную ныне часто далеко, или в ней пиво не по вкусу, а чайная или чайный трактир под боком — поневоле купишь “мерзавчика”» [12, с. 2].

Следует отметить, что публичное пьянство наблюдалось прежде всего в городах, а в сельской местности оно было менее развито. По мнению Е. В. Пашкова, такая закономерность «объясняется самой городской обстановкой, где маленькие территории, высокая плотность населения и питейных заведений, а значит, больше собутыльников собиралось около казенных винных лавок, что, конечно, располагало к коллективному распитию спиртного, не отходя от лавки» [4, с. 19]. Справедливость таких выводов подтверждается и архивными данными, согласно которым самое высокое потребление алкоголя в России на рубеже XIX—XX вв. приходилось на две столичные губернии — Петербургскую и Московскую. Здесь оно было выше примерно в 2—3 раза, чем в среднем по стране [16, л. 1].

Таким образом, на основе анализа комплекса источников, включающего архивные документы, материалы периодических изданий и статистические сведения, можно сделать вывод о том, что правительственные мероприятия по введению в России государственной винной монополии с точки зрения их влияния на повседневную жизнь санкт-петербургских рабочих характеризуются крайней противоречивостью.

С одной стороны, «отрезвляющее воздействие» преобразований проявило себя в первые же дни и недели с момента вступления их в силу. Сократилось количество пьяных компаний на городских улицах, что способствовало снижению социальной напряженности и улучшению криминогенной обстановки, а также культурного облика Санкт-Петербурга. Наметилась устойчивая тенденция к снижению общего уровня потребления алкоголя в столице и, как следствие, — к общему оздоровлению рабочего населения и производственного процесса. Появились возможности активизации деятельности благотворительных организаций и попечительств, направленной на распространение альтернативных занятий для трудящегося населения, среди которых наибольшим спросом пользовалось устройство народных театров, праздничных гуляний.

С другой стороны, большинство из вышеперечисленных явлений имели лишь временный характер и были вызваны усиленным надзором полиции. В долгосрочной перспективе, наоборот, обнаружилась частичная несостоятельность реформы и невыполнение ее важнейших социальных задач.

Список использованных источников и литературы

1. Веремко В. А., Тропов И. А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX—XX вв. : сб. науч. статей / отв. ред. И. В. Кочетков. СПб. : КЛИО, 2001. С. 55—63.
2. Николаев А. В. «Уличное пьянство» как социально-культурное явление в российском обществе на рубеже XIX—XX вв. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2011. № 132. С. 14—22.
3. Пашков Е. В. Исторический опыт осуществления казенной винной монополии в России конца XIX — начала XX в.: на примере Курской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2009. 26 с.
4. Пашков Е. В. Казенная винная монополия в России конца XIX — начала XX в. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2013. № 159. С. 13—22.
5. Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М. : Госфиниздат, 1954. 268 с.
6. Петербургская газета. 1898. № 2.
7. Петербургская газета. 1898. № 19.
8. Петербургская газета. 1898. № 20.
9. Петербургский листок. 1898. № 17.
10. Петербургский листок. 1898. № 19.
11. Петербургский листок. 1898. № 51.
12. Петербургский листок. 1898. № 61.
13. Петербургский листок. 1898. № 119.
14. Пешехонов А. В. Экономическая политика самодержавия (Централизация экономической власти). СПб. : Ред. журнала «Русское богатство», 1906. 74 с.
15. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 1. С. 7—21.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 575. Оп. 12. Д. 21.
17. РГИА. Ф. 575. Оп. 12. Д. 25.
18. РГИА. Ф. 575. Оп. 12. Д. 72.
19. Шванебах П. Х. Наше податное дело. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 203 с.

Поступила в редакцию 15.09.2016

Федькин Андрей Васильевич, аспирант

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Российская Федерация, 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

E-mail: andr.f@bk.ru

UDC 94(47).083

A. V. Fed'kin

Impact of state wine monopoly in the end of XIX century on the daily live of St. Petersburg workers

The article is based on the analysis of archival documents, periodical materials and statistic data. It is devoted to studying the influence of wine monopoly in the late XIX century on the daily life of workers of St. Petersburg. The article describes the socio-cultural portrait of the city, as well as the leisure activity of working residents at the turn of the XIX and XX centuries; evaluates the effectiveness of the reform in terms of achieving its social goals. The conclusion is drawn about the contradictory governmental reforms with their impact on the life of the metropolitan population.

Key words: wine monopoly, daily life, workers, folk theater, tavern, tea house.

Fed'kin Andrey Vasyl'evich, Post-graduate student

Leningrad State University named after A. S. Pushkin

Russian Federation, 196605, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe sh., 10

E-mail: andr.f@bk.ru

References

1. Veremenko V. A., Tropov I. A. Reformy i mikrosotsial'nye protsessy v Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Reforms and microsocioal processes in Russia (second half of XIX — early XX century)]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya modernizatsiya v Rossii. XIX—XX vv. : sb. nauch. statei, otv. red. I. V. Kochetkov* [Socio-economic and political modernization in Russia. XIX—XX centuries. : coll. of scientific articles, ed. by I. V. Kochetkov]. St. Petersburg, KLIO Publ., 2001, pp. 55—63. (In Russian)
2. Nikolaev A. V. "Ulichnoe p'yanstvo" kak sotsial'no-kul'turnoe yavlenie v rossiiskom obshchestve na rubezhe XIX—XX vv. ["Street drinking" as a socio-cultural phenomenon in Russian society at the turn of XIX—XX centuries]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, 2011, no. 132, pp. 14—22. (In Russian)
3. Pashkov E. V. *Istoricheskii opyt osushchestvleniya kazennoi vinnoi monopolii v Rossii kontsa XIX — nachala XX v.: na primere Kurskoi gubernii : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The historical experience of the breech liquor monopoly in Russia in late XIX — early XX century: the example of Kursk province: Abstr. Cand. Dis.]. Kursk, 2009. 26 p. (In Russian)
4. Pashkov E. V. Kazennaya vinnaya monopoliya v Rossii kontsa XIX — nachala XX v. [The breech wine monopoly in Russia of late XIX — early XX century]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, 2013, no. 159, pp. 13—22. (In Russian)
5. Pogrebinskii A. P. *Ocherki istorii finansov dorevolyutsionnoi Rossii (XIX—XX vv.)* [Essays on the History of Finance in pre-revolutionary Russia (XIX—XX centuries)]. Moscow, Gosfinizdat Publ., 1954. 268 p. (In Russian)
6. *Peterburgskaya gazeta*, 1898, no. 2.
7. *Peterburgskaya gazeta*, 1898, no. 19.
8. *Peterburgskaya gazeta*, 1898, no. 20.
9. *Peterburgskii listok*, 1898, no. 17.
10. *Peterburgskii listok*, 1898, no. 19.
11. *Peterburgskii listok*, 1898, no. 51.
12. *Peterburgskii listok*, 1898, no. 61.
13. *Peterburgskii listok*, 1898, no. 119.
14. Peshekhonov A. V. *Ekonomicheskaya politika samodержaviya (Tsentralizatsiya ekonomicheskoi vlasti)* [The economic policy of the autocracy (centralization of economic power)]. St. Petersburg, Red. zhurnala "Russkoe bogatstvo" Publ., 1906. 74 p. (In Russian)

15. Pushkareva N. L., Lyubichankovskii S. V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole [Understanding the history of everyday life in the modern historical research from the School of Annals to Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 7—21. (In Russian)
16. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 575. Op. 12. D. 21.
17. RGIA. F. 575. Op. 12. D. 25.
18. RGIA. F. 575. Op. 12. D. 72.
19. Shvanebakh P. Kh. *Nashe podatnoe delo* [Our tax-paying business]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1903. 203 p. (In Russian)